

УДК 351.741:“1920-1941”
EDN WMVHOI<https://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СОВЕТСКИЙ МИЛИЦИОНЕР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья)

Е. А. ЗверковВоронежский институт МВД России,
г. Воронеж, Россия
zverkovphd@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Органы внутренних дел Советской России имели специфичный, пограничный статус правоохранительной, но в то же время военизированной и вспомогательной по отношению к местным исполнительным органам власти структуры. Широкий перечень полномочий требовал значительного финансирования и строгого кадрового отбора. От этого зависели эффективность работы и статус милиционера. Исследователи уже обращали внимание на сложившееся противоречие, однако требуется дополнительное изучение положения советского милиционера в обществе, его повседневной жизни и отношений с населением, взаимосвязи государственной политики в отношении органов внутренних дел с их мотивацией к службе, уровнем дисциплины и способностью противостоять преступности.

Материалы и методы. Статья базируется на анализе документов, извлеченных из фондов федерального и региональных архивов. Исследование проведено на основе принципов историзма и научной объективности с использованием методов системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Экономические сложности в Советской России и недостаточное внимание государства к правоохранительной системе, отказ от организационного и культурного опыта царской полиции затрудняли формирование собственной корпоративной культуры и этики милиционера. В статье проанализированы особенности положения милиции в обществе, престижа службы в ней.

Заключение. На милицейское строительство отрицательно повлияли низкий уровень жалования и общая материально-техническая малообеспеченность, определенный риск жизни и здоровью в условиях высокого уровня преступности. Милиционеры регулярно жаловались на чрезмерную загруженность отчетной документацией и всевозможной общественной нагрузкой, в результате чего сложилось их специфичное отношение к себе и службе. Общий перелом в настроении милиции произошел с началом Великой Отечественной войны, когда личные сложности отошли на второй план.

Ключевые слова: органы внутренних дел, милиция, преступность, РСФСР, Центральное Черноземье

Для цитирования: Зверков Е. А. Советский милиционер в социокультурном пространстве: 1920 — 1941 гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 48 — 60. EDN WMVHOI

Original article

THE SOVIET POLICEMAN IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE: 1920 — 1941 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region)

E. A. Zverkov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Voronezh, Russia
zverkovphd@yandex.ru

Abstract

Introduction. The internal affairs bodies of Soviet Russia had a specific, borderline status of a law enforcement, but at the same time a paramilitary and auxiliary structure in relation to local executive authorities. A wide range of authorities required significant funding and strict personnel selection. The efficiency of the work and the status of the policeman depended on it. Researchers have already drawn attention to the existing contradiction, but additional study of the position of the Soviet policeman in society, the daily life and relations with the population, the relationship of state policy towards internal affairs bodies with their motivation to serve, the level of discipline and the ability to resist crime is required.

Materials and methods. The article is based on the analysis of documents extracted from the funds of the federal and regional archives. The research was conducted on the basis of the principles of historicism and scientific objectivity connected with system analysis methods.

Results and discussion. The economic difficulties in Soviet Russia and the insufficient attention of the state to the law enforcement system, the rejection of the organizational and cultural experience of the tsarist police made it difficult to form their own corporate culture and ethics of a policeman. The article analyzes the peculiarities of the position of the police in society, the prestige of service in it.

Conclusion. The police construction was negatively affected by the low level of wages and general material and technical poverty, a certain risk to life and health in conditions of a high crime rate. The policemen regularly complained about excessive workload with accounting documentation and all kinds of social workload, as a result of which their specific attitude towards themselves and the service developed. The general change in the mood of the police occurred with the beginning of the Great Patriotic War, when personal difficulties faded into the background.

Keywords: internal affairs bodies, police, crime, RSFSR, Central Chernozem region

For citation: Zverkov EA. The Soviet Policeman in the Socio-Cultural Space: 1920 — 1941 (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):48—60. EDN WMVHOI

Введение

Получение советской милицией наименования «рабоче-крестьянской» и «народной» не повлияло на изменение задач правоохранительных органов. Реальная природа советской милиции, как и дореволюционной, была охрана общественного порядка. В рамках системы двойного подчинения советские органы самостоятельно осуществляли все значительные кадровые назначения. Большевики постоянно противопоставляли милицию дореволюционной полиции, которую В. И. Ленин в «Письмах из далека» определил как «особую, отделенную от народа и противо-

поставленную ему организацию вооруженных людей»¹. Ленинский курс нашел свое выражение в подчинении милиции Советам, отождествленных с «народом», а равно — в кадровом подборе. В долгосрочной перспективе эта концепция привела к неоднозначным последствиям.

Материалы и методы

При подготовке исследования использованы архивные материалы, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также государственных архивов Воронежа, Курска, Липецка и Тамбова. Ряд документов впервые вводится в научный оборот. При написании статьи применены принципы историзма и научной объективности, использованы методы системного анализа.

Обзор литературы

Особенностью советского этапа изучения органов внутренних дел и истоков преступности историки справедливо выделяют высокую степень предвзятости в изложении материала — достаточно вспомнить двухтомник «История советской милиции», вышедший в свет в 1977 г. под редакцией министра внутренних дел СССР Н. А. Щёлокова. Концепция истории правоохранительной системы выстраивалась через доминанту партийных решений и политических курсов. Реальные проблемы общества и милиции игнорировались исследователями, фокусируя внимание на успехах милиции, ее поступательном развитии.

Более взвешенно к истории отечественных органов внутренних дел подошли современные историки. Вопросы социального положения рассматривались по отдельности — с точки зрения материальной обеспеченности, социальных гарантий и уровня образования. Так, В. М. Петрожицкий и В. А. Фурсов доказали, что государственное обеспечение и льготы работников милиции вводились со значительным отставанием, носили бессистемный характер и были существенно ниже тех, которые имели военнослужащие Красной армии [5; 12]. О социальной политике в отношении милиционеров и кадровой практике писала С. Н. Токарева, отметив и особенности социальной поддержки милиционеров государством, и привлечение на службу военнослужащих царской армии [8; 9]. Особенности психологической эволюции работников правоохранительных ведомств изучила А. А. Сёмик [6], вопросы формирования и становления органов советской милиции, а также их региональные особенности рассмотрели Д. В. Тумаков, М. С. Чудакова [11], М. В. Чигрин [13].

Результаты исследования и их обсуждение

Рабоче-крестьянский кадр милиции должен был сделать ее уважаемой. Для этого требовался комплекс мер формального и символического свойства. Создание корпоративной милицейской культуры натолкнулось на многочисленные сложности. Ведомственная этика в немалой степени основывается на традициях. Даже Красная армия (благодаря «военспецам») в немалой степени унаследовала кадры и самовосприятие царского времени. Милиции, в свою очередь, пришлось полностью отказаться от всех традиций, связанных с дореволюционным периодом. Внешняя символика милиции наталкивалась на дефицит формы. В лучшем случае

---

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 31. С. 41.

использовали армейское обмундирование [10, с. 11]. Начальник Орловской уездной милиции Соколов в мае 1920 г. жаловался, что «зачастую милиционера можно видеть в босом и оборванном виде, что, несомненно, уродует по существу вид милиционера» [14, с. 167]. Вопрос форменной одежды был решен только после Гражданской войны.

Культурно-просветительская работа в органах внутренних дел (далее — ОВД) носила эпизодический характер. Системность в данном вопросе была исключена в связи с чрезмерной загруженностью сотрудников. Неразумно широкие полномочия, предоставленные партийным органам, позволяли им действовать с позиции силы. Они предписывали милиции выполнить ту или иную работу, открыто препятствовали милиционерам в правовом контроле над членами партии. В частности, в 1921 г. заведующий политбюро Воронежского уезда обвинил начальника уездной милиции в фиксировании партийных работников, злоупотребляющих алкоголем [1, с. 20]. По мнению начальника Курского губрозьиска, высказанному в 1923 г., среди населения высоким авторитетом обладали работники розьиска². Милиции было сложнее сохранять статус. В период Гражданской войны в ОВД попали случайные люди, которых начали увольнять по мере стабилизации положения.

Популяризацию милиции пытались осуществить дешевыми проектами. Например, в 1924 г. «Воронежская коммуна» сообщала о введении в южных уездах губернии делопроизводства на украинском языке. В рамках программы «украинизации» милиции, инициированной центром, губернский отдел образования предложил заставить милиционеров пройти десятидневные курсы. В 1926 г. был составлен список из 101 милиционера Богучарского, Россошанского, Валуйского, Острогожского, Бобровского и Новохоперского уездов Воронежской губернии, знающих украинский язык³. Кампания проходила в рамках плана «украинизации» низового советского аппарата на 1926 – 1927 гг., в соответствии с которым, делопроизводство в некоторых сельских Советах Богучарского, Россошанского, Острогожского и Валуйского уездов переводилось на украинский язык. Кроме того, за указанные годы предполагалось «украинизировать» в вышеназванных уездах «аппарат милиции по 2 района на каждый уезд»⁴. Несмотря на хронический недостаток средств на реальную работу, для проведения курсов по подготовке работников для «украинизированного» советского аппарата и покупку учебников по украинскому языку планировалось выделить 8 тыс. руб.⁵

О необходимости сближения населения с милицией в апреле 1928 г. говорилось на Втором Всероссийском съезде административных работников [4, с. 49]. В циркуляре от 4 октября 1928 г. призывалось популяризировать работу уголовного розьиска путем помещения в газетах статей о состоянии преступности и проделанной уголовным розьиском работе, об отдельных тяжких преступлениях и способах их раскрытия. Работникам уголовного розьиска предписывалось периодически

² ГА КО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 105. Л. 139.

³ ГА ВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 123. Л. 163 — 164 об.

⁴ ГА ВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1620. Л. 15 об.

⁵ Там же. Л. 18.

выступать с отчетами на собраниях перед рабочими и на крестьянских сходах. Нередко на таких встречах, начало которым было положено еще в 1925 г., атмосфера была напряженной. Крестьяне получали возможность открыто высказать милиции свое недовольство. Милиционерам приходилось принимать удар за всю государственную политику в сфере противодействия преступности. Так, начальник милиции Воронежского уезда докладывал начальнику губернской милиции Плаксину о недовольстве крестьян работой милиции, так как из-за «мизерного штата некому было даже выезжать на происшествие»⁶. Народ не желал вникать в существующие трудности и требовал немедленного, видимого улучшения криминогенной ситуации. Милиционер снова стал символом всех существовавших в государстве проблем, так как в сельской местности, где нередко отсутствовали дороги и связь, на милицию фактически ложилась нагрузка по проведению в жизнь официальных решений власти. Начальник Валуйской милиции Мягков в 1926 г. свидетельствовал, что крестьяне, выпив, начинали «задирать милиционера как представителя власти»⁷. И это несмотря на то, что значительная часть милиционеров была выходцами из крестьян и продолжала иметь тесные связи с жителями деревни⁸. Однако следует отметить, что определенная доля населения к милиции относилась с пониманием⁹.

Милиционеры не чувствовали себя защищенными и независимыми. В 1922 — 1923 гг. их содержание было передано на местный бюджет. С того времени незавидное положение органов милиции в подавляющем большинстве регионов ухудшилось. В журнале «За власть Советов», официальном органе НКВД РСФСР, было отмечено: «Полураздетый, полуразутый, малограмотный и необученный своему делу милиционер оказался расхлябанным и, в конечном итоге, деморализованным»¹⁰. В Воронежской губернии затруднения с обмундированием (обеспечение милиционеров теплыми чулками, полушубками, шапками, варежками и др.) губисполком частично пытался решить за счет давления на разные организации¹¹.

Профессия милиционера оставалась одной из самых опасных. Они регулярно погибали в перестрелках во время арестов, многие становились жертвами покушений. Их график работы был ненормированным, приходилось выполнять срочные задания после дежурства¹². Следует отметить, что нелегкий труд милиционера по достоинству оценивался редко. Так, в 1922 г. начальник Воронежской губернской милиции Плаксин ходатайствовал перед губотделом управления о награждении бракованной лошадей бывшего помощника начальника Четверикова, прослужившего в розыске 5 лет и потерявшего здоровье после удара током (через телефон), но получил отказ¹³. Однако некоторые прошения удовлетворялись: в 1921 г. за храб-

⁶ ГА ВО. Ф. Р-38. Оп. 3. Д. 85. Л. 6 об.

⁷ ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 45.

⁸ ГА ЛО (Государственный архив Липецкой области). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

⁹ ГАСПИ ТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-840. Д. 2236. Л. 19

¹⁰ За власть Советов. 1922. № 1 — 2. С. 49.

¹¹ ГА ВО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 421. Л. 56, 164.

¹² ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 510. Л. 97.

¹³ Там же. Д. 406. Л. 67, 102.

рость в борьбе с преступностью были награждены обмундированием агент уголовного розыска и милиционер Рыльского уезда¹⁴; за высокий профессионализм при поимке бандитов денежной суммой в 1 тыс. руб. поощрены агенты Суджанского уголовного розыска¹⁵; в 1925 г. были награждены почетным оружием начальник Тамбовской губернской милиции Е. В. Знаменский и начальник Орловской губернской милиции А. И. Мазуров¹⁶; в декабре того же года, по случаю 8-й годовщины милиции, за отличную работу в борьбе с бандитизмом отрезом на брюки Новохоперский уисполком наградил 7 работников милиции и уголовного розыска¹⁷.

О трудностях непростой работы милиционеров писали местные газеты. Например, в «Курской правде» действовала колонка «Среди милиционеров», в которых были представлены статьи как об их успехах, так и о совершенных ими преступлениях. Кроме того, печатались сюжеты из повседневной жизни представителей данной профессии¹⁸.

Следует отметить участие милиционеров и в различных видах общественной деятельности. Например, в 1923 г. в рамках проведения «Двухнедельника помощи школе» высоко оценена помощь тамбовской милиции детскому дому № 8, где жили 78 девочек: «Люди, живущие впроголодь, целыми днями стоящие на постах в заношенных шинелишках, бродящие по ночам в облавах на жуликов и бандитов, задыхающиеся в промозглых, холодных канцеляриях — вот наша милиция. И, несмотря на эти тяжелые материальные условия, она творит великое будущее Революции»¹⁹. Милиционеры взяли шефство над детским домом. На их деньги покупались еда и дрова.

Штат уездной милиции в значительной степени состоял из демобилизованных красноармейцев и молодых людей после службы в армии, поэтому их возраст в основном был от 18 до 30 лет. Так, в Елецком уголовном розыске на 1920 г. абсолютное большинство работников составляли мужчины до 30 лет²⁰. В 1924 г. на службу в уголовный розыск Воронежской области пришел 24-летний Т. Петров, имевший два класса высшего начального училища, годом ранее демобилизовавшийся из армии²¹. Начальнику уголовного розыска Курской губернии Разумовскому в 1920 г. исполнилось 26 лет, его помощнику — 27²². Судя по анкете Курского губернского отделения уголовного розыска, средний возраст его служащих составлял менее 25 лет²³.

С началом коллективизации советские органы остро нуждались в силовом сопровождении своей политики. В ведомственной печати развернулась идейная

¹⁴ ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. Л. 251.

¹⁵ Там же. Д. 105. Л. 304 об.

¹⁶ Кого и за что награждает советская власть // Административный вестник. 1925. № 11.

¹⁷ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 169. Л. 3.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 510. Л. 168.

¹⁹ Там же. Д. 531. Л. 70.

²⁰ ГА ЛО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 76. Л. 38, 47.

²¹ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 121. Л. 48.

²² ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 27. Л. 121.

²³ Там же. Л. 122.

поддержка по вовлечению милиции в политические кампании. Прозвучал призыв отказаться от «узкомиллицейского» характера административных органов²⁴. Милиционеры выезжали в села в качестве дополнительных сил ОГПУ, помогали бригадам по раскулачиванию (в связи с чем происходили столкновения с крестьянами), поддерживали общественный порядок при насильственной коллективизации. О. Н. Мигущенко отметил, что крестьяне воспринимали действия милиции как несправедливые. Это затрудняло работу со свидетелями, осложняло выполнение служебных обязанностей [2, с. 218]. В 1928 г. стали неоднократно фиксироваться случаи нападений на милиционеров по политическим мотивам. Известны неоднократные факты их избиения в ходе кампаний по изъятию крестьянского имущества. В 1929 — 1932 гг. милиция оказывала помощь органам ОГПУ в арестах противников мероприятий советской власти, участников беспорядков и антиколхозного движения. Они привлекались для умирения населения, разбиравшего по домам «обобществленный скот», контроля принудительного выхода на работу в колхоз, сопровождения работников сельских советов во время налоговых кампаний.

Специфичное отношение к службе отразилось в самовосприятии²⁵. Воронежские милиционеры часто игнорировали ношение форменной одежды или сочетали форменную фуражку с гражданской одеждой. Начальники, недовольные небрежностью внешнего вида подчиненных, наказывали арестами и внеочередными дежурствами и милиционеров, и их непосредственных руководителей²⁶. В декабре 1926 г. ЦАУ в циркуляре выразило начальникам административных отделов недовольство несоблюдением правил ношения форменной одежды работниками милиции и уголовного розыска во время несения службы²⁷.

Трудности возникали и с обращением крестьян в милицию. Например, в Новохоперском уезде Воронежской губернии крестьянам для этой цели приходилось проделывать 10 — 15 верст. Каждый милиционер обслуживал по 2 — 3 сельских Совета, находившихся друг от друга в 30 верстах, или до 20 поселков (в 5 верстах и более). Три агента уголовного розыска, оставшиеся на указанный уезд, не справлялись с работой, вследствие чего им в помощь подключилась волостная милиция. В 1925 г. 5 уголовно-розыскным столам Тамбовской губернии приходилось обслуживать 2 500 млн сельского населения. По словам крестьянина Батракова, в результате необдуманных сокращений штатов агенты уголовного розыска потеряли возможность оперативной работы и «засели за бумагами в кабинетах»²⁸. Уездным начальникам милиции необходимо было присутствовать на заседаниях и пленумах уездных комитетов партии, разумеется, без решающего голоса.

Отчетность «перед массами» усугубляла и без того сложное положение милиционеров. В рамках общественной работы в мае 1931 г. милицией Центрально-Черноземной области были сделаны доклады о работе и реорганизации органов ми-

²⁴ Лазарев С. Итоги совещания начальников областных адм.отделов // Административный вестник. 1929. № 6 — 7. С. 12.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 21. Л. 1 об.

²⁶ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 21. Л. 75 — 78.

²⁷ ГА ЛО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 253. Л. 26.

²⁸ О штатах Милиции и Уголовного розыска // Административный вестник. 1925. № 11. С. 80.

лиции (в партийных и государственных органах — 596, перед «трудящимися» — 664)²⁹. В среднем на одно управление милиции приходилось до 10 — 12 докладов в месяц. В апреле 1932 г. милиция и уголовный розыск области совокупно провели 388 выступлений перед колхозниками, 368 — на бедняцких собраниях, 431 — общих собраниях, 32 — рабочих, 94 — «на прочих собраниях». Итого — 1 303, не считая 721 выступление перед советскими и партийными органами. Однако данные показатели партийное руководство считало неудовлетворительными. Доклады делали в основном начальствующий и оперативный состав уголовного розыска³⁰. Кроме того, милиционеров заставляли быть членами сельских и городских Советов, районных исполкомов, общественных организаций, таких как МОПР и ОСОАВИАХИМ³¹.

Органы милиции активно взаимодействовали с региональной прессой. В 1929 г., согласно данным прокурора Центрально-Черноземной области Нелидова, «по газетным заметкам было возбуждено 795 уголовных дел, 235 дисциплинарных»³². Губернская прокуратура направляла запросы в милицию на проверку сведений, опубликованных в газете. Для этого существовал специальный бланк, в который от руки вносились сведения о дате и номере выпуска, заголовке статьи³³.

20 марта 1925 г. начальник милиции Острогжского уезда Мязин в связи с большим количеством заявлений о должностных преступлениях в газете «Наша жизнь» циркулярно приказал начальникам волостных милиций и начальнику уголовного розыска уезда немедленно принять меры дознания по всем поступающим заявлениям. Они преимущественно исходили от крестьян. О каждом из них следовало незамедлительно сообщать помощнику губернского прокурора³⁴. Гражданам, подавшим заявление о происшествии, выдавались «квитанции».

В качестве дополнительной нагрузки милиционеров заставляли брать шефство над колхозами и сельскими Советами. Оно выражалось в сборе средств на подарки, участия в культурной жизни деревни, открытии библиотек, праздновании памятных дат (8 марта, День Парижской коммуны, день «низвержения самодержавия» и др.). В рамках празднований милиционеров отправляли на помощь колхозам, вносили деньги на МОПР и т. д. Для милиции особо болезненным во всех отношениях было участие в сборе средств в пользу колхозов, весенней посевной кампании и коллективизации, пресечения «хищнического убоя скота», заготовке сена и леса. В связи с этим ежегодно проводилось более тысячи всевозможных собраний. В марте 1931 г. из аппарата милиции для решения этих задач выехали 1 148 сотрудников, затрачено 6 985 человекодней³⁵.

Работники розыска постоянно перерабатывали, почти не имели льгот. Очевидное недовольство агентов Курского уголовного розыска вызывал дефицит трамвай-

²⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1481. Л. 16.

³⁰ Там же. Д. 1460. Л. 119.

³¹ Там же. Л. 119 об.

³² Коммуна. 1929. № 25 (2764). 1 фев. С. 3.

³³ ГА ВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

³⁴ Там же. Д. 17. Л. 3.

³⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 121 об.

ных билетов. В силу специфики службы ездить приходилось часто. Билеты оплачивались из личных средств. В результате долгих переговоров с соответствующими службами было признано «возможным допущение проезда на передней площадке трамвая в штатском платье работникам Милиции и Угрозыска по служебным удостоверениям»³⁶.

В начале 1930-х гг. была предпринята попытка организации ведомственного спорта и спортивной журналистики. Возможно, участие в «динамовских» мероприятиях стало для сотрудников еще одним обременительным обязательством. Только этим можно объяснить недисциплинированность и низкие результаты при сдаче норм ГТО³⁷. В Липецке в 1931 г. началось устройство спортивных секций и игровых площадок, на которых сотрудники тренировались после службы. Была организована работа с ведомственными милиционерами при предприятиях. Созданы 6 коллективов общей численностью 200 чел. Оборудована водная станция³⁸. В Воронеже в 1937 г. функционировала «динамовская» организация в дивизионе особого назначения. Сотрудники активно занимались спортом, осуществляли зимние пробеги на лыжах, имели хорошие спортивные показатели — из 49 участников организации 37 имели значок ГТО 1-й степени³⁹. В 1939 г. «динамовское» движение получило новый импульс. Был утвержден Устав спортивного общества, определен состав его участников, сформировано общество «Юный Динамовец»⁴⁰, члены которого получали право бесплатно пользоваться спортивными сооружениями и инвентарем; посещать школы, курсы и семинары, организуемые обществом; носить форму и значок общества⁴¹. Однако данная деятельность имела неустойчивый характер, действуя эпизодично, в основном в форме проведения соревнований и сдачи норм ГТО [7, с. 172].

В 1931 г. общее количество сотрудников милиции Центрально-Черноземной области составляло 8 287 чел. Из них только 1 848 (многие формально) были охвачены школами и кружками. Политработа велась несогласованно вследствие разброшенности милицейских участков и частых привлечений инспекторов к политическим и экономическим кампаниям⁴². Занятия по повышению квалификации работников проводились начальниками и помощниками районных управлений милиции, в отдельных районах — прокурорами и следователями. Учитывая то, что они сами регулярно находились в командировках, не приходится сомневаться: реального эффекта такие занятия не имели. На бумаге дела обстояли более оптимистично — милиционеры посещали совпартшколы, кружки политической грамоты и самообразования, драматические кружки (2 кружка с 18 посетителями), кружки милицейских корреспондентов (93 чел.)⁴³ и др. В 1931 г. в Черноземье действовали 74 «ленинских

³⁶ ГА КО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 218. Л. 20.

³⁷ Васильев. Итоги внутридинамовской спартакиады // Динамовец ЦЧО. 1932. № 2-3. С. 6.

³⁸ Фокин. Как мы работали // Динамовец ЦЧО. 1932. № 5. С. 18.

³⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 сч. Д. 51. Л. 21, 21 об.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1479. Л. 101.

⁴³ Там же. Д. 1481. Л. 11.

уголка» (15 формально), 42 библиотеки (только половина была обеспечена книгами)⁴⁴. Из сводки об общественно-политической, воспитательной работе и материально-бытовых условиях органов милиции Центрально-Черноземной области за июнь 1931 г. вырисовывается противоречивая ситуация. По причине массового участия милиции в посевной и прополочной кампаниях, а также в мероприятиях по «сплошной коллективизации» культурно-просветительская работа почти не велась. В области функционировали только 5 милицейских клубов — в Тамбове, Орле, Россоши, Богучаре и Алексеевке⁴⁵.

Милиции приходилось ежемесячно предоставлять сведения о проделанной работе вышестоящему руководству, партийным организациям, райисполкомам и т. п. По требованию НКВД готовились ежемесячные, квартальные, полугодовые и годовые отчеты. Темп жизни сотрудника неоправданно ускорялся, а эффективность работы падала. Значительная часть предпринятых мер командного состава уходила на поддержание приемлемого уровня сотрудников с партийными билетами. В 1932 г. из 2 309 представителей старшего начальствующего состава милиции, служивших в Центрально-Черноземной области, 39,9 % имели партийные билеты, 2,2 % — комсомольские. В ведомственной милиции, насчитывавшей 161 человек, аналогичные показатели составляли 52,0 и 4,8 %; в младшем и рядовом составе (численность 970 чел.) — 19,8 и 3,7 % соответственно. Среди рядового состава ведомственной (4 847 чел.) показатели оказались еще ниже — 13,0 и 3,2 %. Таким образом, из общего числа милиционеров (8 287 чел.) членов партии насчитывалось 19,0 %, комсомольцев — 2,8 %⁴⁶.

Значительное влияние на укрепление авторитета милиционера сыграла Великая Отечественная война. Многие сотрудники милиции добровольцами ушли на фронт. Начало войны укрепило чувство служебной дисциплины и ответственности. Факты грубых нарушений законности со стороны милиционеров носили единичный характер. Милиция приняла деятельное участие в помощи фронту. Например, за 1941 г. ведомственной милицией Кагановичского района Воронежа были собраны 3 тыс. руб. на строительство танков, 1 740 руб. — покупку теплых вещей для бойцов Красной армии, 490 руб. — приобретение новогодних подарков⁴⁷. Кроме того, в апреле 1942 г. сотрудники ведомственной милиции Воронежа полностью отдали зарплату на Государственный военный займ⁴⁸.

В годы Великой Отечественной войны велась работа по развитию милиционерами подсобного хозяйства. В Воронежской области 61 райотдел НКВД был охвачен коллективным огородничеством — были засеяны 52 га проса, 17 га разного зерна, 102 га овса, 42 га ячменя, по 5 га яровой пшеницы и овощей — всего 223 га⁴⁹. Помимо этого, милиционеры имели небольшие огороды (0,15 га), где сажали картофель, помидоры, капусту для личных нужд и общественной столовой⁵⁰. Семьям сотруд-

⁴⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 122.

⁴⁵ Там же. Д. 1482. Л. 55.

⁴⁶ Там же. Д. 1952. Л. 78.

⁴⁷ Там же. 550. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4583. Л. 182.

⁵⁰ Там же. Д. 4585. Л. 71 — 71 об.

ников, ушедших на фронт, оказывалась помощь в подвозе дров, предоставлении тягловой силы для работы на огороде, в уборке урожая, ремонте домов и квартир.

Трудности военного времени не смогли сломить дух милиционера. Однако были единичные случаи, когда обстоятельства вынуждали человека на крайние меры. Так, 4 декабря 1942 г. покончил с собой милиционер воронежского веддзвода Е. Денякин, служивший в органах с 1932 г. Причиной послужили сильные душевные переживания — семья милиционера не смогла эвакуироваться с шиловской дачи⁵¹.

Заключение

Для государственной власти рассматриваемого периода милиция представлялась как орган, выполняющий в первую очередь задачи политического характера. Исходя из этой доктрины выстраивалась кадровая политика и система приоритетов деятельности. Милиция попала в противоречивое положение, принимая участие в различных общественных и политических кампаниях, которое усложнялось финансовой зависимостью от местных органов власти [3, с. 108 — 109].

Складывание корпоративной культуры упиралось в отсутствие традиций, связи поколений, неровный характер развития милиции, текучесть кадров. Предпринимаемые меры по культурному воспитанию милиционера получили незначительный эффект в силу чрезмерной перегруженности работников и по причине скудных материальных средств, выделяемых на создание благоприятной культурной среды. Тем не менее милиционеры, как и весь советский народ, отбросили в сторону все личные трудности и показали исключительную самоотверженность и дисциплинированность в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексанян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917 — 1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61): в 3 ч. Ч. 2. С. 16 — 27.
2. Мигушенко О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области). М.: Юрист, 2008. 247 с.
3. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов: история НКВД — МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова, 1917 — 1982. М.: Весты, 1995. 412 с.
4. Павлов А. Н. Взаимодействие органов милиции и общественных организаций по охране правопорядка в период новой экономической политики (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 47 — 53.
5. Петрожицкий В. М. Организационно-правовые основы социальной и правовой защиты сотрудников милиции РСФСР (1917 — 1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 221 с.
6. Сёмик А. А. Социально-психологический облик российского полицейского и советского милиционера: сравнительно-историческое исследование (конец XIX — XX вв.): дис. ... д-ра. ист. наук. Краснодар, 2003. 514 с.
7. Смирных В. Люди тревожного времени. Очерки истории Воронежской милиции 20 — 30-х гг. 20 в. Воронеж: Воронеж. обл. тип. — изд-во им. Е. А. Болховитинова. 2010. 190 с.

⁵¹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584. Л. 312 об.

8. Токарева С. Н. Милиция Черноземного центра России в начале 1920-х годов: характеристика кадрового состава // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 198 — 205.

9. Токарева С. Н. Социальная политика в отношении служащих милиции в 1920 — 1930-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 109 — 116.

10. Токарь Л. Н. Советская милиция. СПб.: Эксклюзив, 1995. 160 с.

11. Тумаков Д. В., Чудакова М. С. Правопорядок и госбезопасность Советской России (1917 — 1918 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 82 — 93 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf>

12. Фурсов В. А. Правовые и организационные основы государственной службы: (1917 — 1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 171 с.

13. Чигрин М. В. Формирование и становление органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917 — 1922 гг.: на материалах Симбирской, Самарской, Пензенской губерний и Чувашской автономной области // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 94 — 104 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-11.pdf>

14. Щендригин Е. Н. Орловская милиция (1917 — 1928 гг.). Орел: Труд, 2003. 198 с.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

Информация об авторе:

Евгений Андреевич Зверков, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России (394065, Россия, г. Воронеж, Проспект Патриотов, 53), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>, zverkovphd@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleksanyan NA. The Formation and Activity of the Soviet Militia of the Voronezh Province During the Civil War (1917 — 1922). *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2015;(11);2:16—27. (In Russ.)

2. Migushchenko ON. The Influence of the Socio-Economic Policy of the State on the Formation of the Legal Consciousness of the Rural Population (Based on the Materials of the Central Chernozem Region). Moscow;2008. (In Russ.)

3. Nekrasov VF. Thirteen “Iron” Commissars: the History of the NKVD-Interior Ministry from A. I. Rykov to N. A. Shchelokov, 1917 — 1982. Moscow;1995. (In Russ.)

4. Pavlov AN. Interaction of Police and Public Organizations for the Protection of Law and Order During the Period of the New Economic Policy (Historical and Legal Aspect). *Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*. 2006;(3):47—53. (In Russ.)

5. Petrozhitsky VM. Organizational and Legal Foundations of Social and Legal Protection of Police Officers of the RSFSR (1917 — 1941). Abstract dis. ... Cand. of Law. Sci. Moscow;1997. (In Russ.)

6. Semik AA. The Socio-Psychological Appearance of the Russian Policeman and the Soviet Policeman: a Comparative Historical Study (Late XIX — XX Centuries). Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Krasnodar;2003. (In Russ.)

7. Smirnykh V. People of an Anxious Time. Essays on the History of the Voronezh Militia of the 20 — 30s of the 20th Century. Voronezh;2010. (In Russ.)
8. Tokareva SN. Militia of the Chernozem Center of Russia in the Early 1920s: Characteristics of the Personnel. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2013;(2):198—205. (In Russ.)
9. Tokareva SN. Social Policy Towards Police Officers in the 1920s — 1930s. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;(2):109—116. (In Russ.)
10. Tokar LN. The Soviet Militia. St. Petersburg;1995. (In Russ.)
11. Tumakov DV, Chudakova MS. Law and Order and State Security of Soviet Russia (1917 — 1918). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):82—93. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf> (In Russ.)
12. Fursov VA. Legal and Organizational Foundations of Public Service: (1917 — 1941). Dis. ... Cand. of Law. Sci. Moscow, 2002. (In Russ.)
13. Chigrin MV. Formation and Formation of the Soviet Militia in the Middle Volga Region in 1917 — 1922: Based on the Materials of the Simbirsk, Samara, Penza Provinces and the Chuvash Autonomous Region. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):94 — 104 URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-11.pdf> (In Russ.)
14. Shchendrigin EN. Oryol Militia (1917 — 1928). Orel;2003. (In Russ.)

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Information about the author:

Evgeniy A. Zverkov, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (53 Prospect Patriotov, Voronezh, 394065, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>, zverkovphd@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.